

ни. Они ближе, чем Россия, к разрешению противостояния либерализму со стороны большинства граждан, но и в этих странах проблема такого противостояния вряд ли будет снята в обозримом будущем.

Либеральная идея и ее российское воплощение

В.Н. Лексин, доктор экономических наук

Отношение к либерализму — и особенно к его адептам — в России было традиционно скептическим и даже ироническим. Их карикатурные портреты нарисовали все классики русской литературы — от Пушкина до Чехова.

Нелишне напомнить и то обстоятельство, что около ста лет назад на территории бывшей Российской империи произошел доктринальный раскол знаменитой триады «свобода, равенство, братство». Де-факто «равенство и братство» стали утверждаться коммунистической партией и советской властью, а «свобода» в ее абсолютизированной форме поселилась в настороженно-враждебном капиталистическом окружении. Каждое проникновение либерализма на советскую территорию не могло не восприниматься как «идеологическая диверсия» (в уставе КПСС, в частности, говорилось: «Член партии обязан ... вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии»). Либерализм стал незримым фундаментом советского диссидентства, а одним из самых мощных каналов проникновения контридеологии большевизма служило радио «Свобода» — ключевое слово либерализма.

Это отношение к либерализму сохраняется и поныне. В массовом сознании, не отягощенном излишними рефлексиями, либерализм и все однокорневые слова (либеральная миссия, либеральная идея, либералы и т. п.) до сих пор

воспринимаются как нечто несерьезное и часто как нечто, навязываемое Западом России для ее гибели. Как ни парадоксально, но люди, не помышляющие о возвращении в социалистическую реальность, сознательно отказавшиеся от «пут коллективизма», желающие индивидуального самодовольствия, свободы от любых ограничений и институтов (в том числе — от государства), мечтающие о собственном «деле» и т. п. продолжают говорить о «либерал-реформаторах» и «либеральной угрозе» как о чем-то совершенно несвязанном ни с их бытием, ни с их ментальностью. В новой России — множество господ Журденов, не подозревающих, что они уже давно говорят прозой либерализма. И это относится не только к тем, кто воспитывался на ленинских филиппиках о «барской» сущности либералов, об их контрреволюционности, об их «конституционных иллюзиях» и связанной с этим «отчужденности от классовой борьбы пролетариата», об их «недостойной роли и тактике в буржуазно-демократической революции» и т. п.¹ Отношение к либерализму как к чему-то «не нашему», по моим наблюдениям, характерно и для большинства молодых людей, и для многих из знакомой мне «ученой братии», возросшей в перестроенные и последующие годы.

Все мы с университетской скамьи знаем, что либерализм (от *liberalis* — свободный) — продукт нового времени, когда идеи свободы человека были противопоставлены сословно-корпоративной организации жизни, абсолютизму и диктатуре церкви. В первую очередь, это относится к идеям «общественного договора» и «естественных прав человека» (Т. Гоббс, С. Пуффендорф, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо и др.), «правового государства» (вытекающим из кантовской моральной автономии ноуменального «я»), «Шотландского просвещения» (А. Смит, Д. Юм, Ф. Фергюсон и др.), утилитаризма.

¹ Самое слабое из ленинских определений либералов — «политические комедианты, глубоко развращающие демократическое сознание масс» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 371).

ризма с его программой «наибольшего счастья для наибольшего числа людей», желающих и умеющих максимизировать собственные выгоды (И. Бентам, В. Риккардо, Дж. В. Милль и др.), к идее общественного прогресса по мере роста благосостояния частных людей (множество адептов). Но главной из них все же стала желанная большинству людей абсолютизация индивидуальной свободы, по поводу чего чаще всего вспоминают слова А. де-Токвиля: «Тот, кто ищет в свободе что-либо иное, кроме ее самой, создан для рабства». И только потому либерализм оказался самой жизнеспособной идеологией нового времени, и только благодаря этому знакомые по университетским учебникам и, казалось бы, давно забытые столпы либерализма подпирают его новейшие конструкции с не меньшей устойчивостью, чем двести и более лет назад.

Было бы недопустимым упрощением считать философию и вообще теоретический фундамент либерализма идеологически монолитными. До сих пор ведутся дискуссии относительно приоритетности «ограничения принуждающей силы любого правительства» (Ф. Хайек) или необходимости государственного обеспечения тех условий, которые могут способствовать реализации человеком его свободы, относительно структуры и обязательности следования принципам (гуманность, толерантность, солидарность, справедливость и т. п.), отказ от которых равноценен отказу от либерализма как такового или достаточности следования единственному принципу защиты индивидуальной свободы, относительно правоты «экономического» либерализма (в России хорошо известны труды Л. Фон Мизеса, и особенно популярны его слова о том, что «если сконцентрировать всю программу либерализма в одно слово, то им будет слово “собственность”») или «этического» (политического) либерализма, признающего неоднозначность связи свободы и частной собственности и считающего принцип государственного невмешательства лишь «одним из возможных типов экономического порядка» (Б. Кроче), высказывания по многим другим вопросам.

Внутривидовых течений либерализма много, и его цельность открывается только в том случае, если их, как пишет наш современник, «рассматривать не со стороны философского или политико-программного содержания, но как идеологию, определяющая функция которой не описывать действительность, а действовать в действительности, мобилизуя и направляя энергию людей на определенные цели. Достоинство и мера «совершенства» либерализма определяются не философской глубиной его доктрин или верностью тем или иным «сакральным» формулировкам о «естественности» прав человека или «незыблемости» частной собственности, а его практической (идеологической) способностью приблизить общество к своим (либеральным — В.Л.) целям и не дать ему «сорваться» в то состояние, которое радикально чуждо им. История многократно демонстрировала то, что философски бедные либеральные учения оказывались с этой точки зрения гораздо эффективнее своих философски утонченных и изощренных «собратьев»².

«Цели-принципы», о которых пишет Б.Г. Капустин, также не были неизменными. Первоначальный догмат индивидуализма как абсолютной свободы от любых посягательств постепенно смягчился поправками на «солидаризм». Эгалитаризм «от рождения» модифицировался в общее право всех быть морально и политически равными. Принцип универсализма, изначально отрицавший возможность корректировки индивидуального достоинства под воздействием особых культурно-исторических условий, стал одной из составляющих идеологии глобализма. Принцип мелиоризма (возможности совершенствования общественных институтов) вообще был реализован в широком коридоре представлений: от доминирования ничем неограниченного саморазвития (Ф. Хайек) до весьма жестких регулятивных интенций построения

² Капустин Б.Г. Либерализм // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 2. С. 394.

либерального общества (И. Бентам). И т. д. Но сила либерализма была и остается в том, что все эти признаки, цели и принципы при всей их изменчивости оказывались *одновременно близки индивиду, обществу, власти и бизнесу*. Все современные политические системы в той или иной степени опираются на солидарную деятельность людей и учитывают требования самоорганизующихся индивидов, «свобода от» стала естественным условием столь пропагандируемой сейчас «креативности». Идеи «общественного договора» в виде либерального консенсуса общества и власти на всех ее уровнях оказались востребованными при построении самых разных негосударственных и государственных структур.

Но либерализм, по моему мнению, оказался непобедимым, в первую очередь, потому, что он стал инстинктивно близок индивидуально утверждающейся личности с ее постоянно возрастающей жадой и энергией доминирования в качестве лидера в массе не-лидеров. И точно так же ведут себя партии, корпорации и государства. Свобода становится единственным условием конкуренции во всех ее видах.

Либерализм — не химера российских интеллигентов, страдающих комплексом не-свободы. Я утверждаю, что мы уже двадцать лет живем в обществе того самого реального либерализма, которое в течение столетий сформировалось практически во всех государствах планеты. Да, «либерализм» и производные от него слова редко используются в законах, но определения «правовое», «светское», «гражданское», «демократическое», «федеральное» применительно к характеристике большинства государств есть лишь обозначения тех или иных граней либерализма. И напрасно критики новой экономики, желая дать ей особую оценку с негативным оттенком, используют словосочетание «либерально-рыночная»: рыночная экономика последних столетий немыслима без либерального начала — без ее ориентации на индивидуальные интересы, без ее полной свободы (в том числе от тех, кто собирается ее «кошмарить»), без ее остранинно-партнерских отношений с государством.

Все связанное с ключевыми словами либерализма — «свобода» и «права человека» — пронизывает российскую Конституцию, и она в этом отношении не имеет равных среди конституций большинства стран мира. Наша конституция начинается со слов: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации..., утверждая права и свободы человека» и продолжает бесконечно варьировать это «утверждение».

В ст. 2 Конституции РФ сказано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В ст. 17 это фундаментальное положение развивается: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». И далее: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина... Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (ст. 19). Сказано также: «Каждый имеет право на жизнь» (ст. 20), «Достоинство личности охраняется государством» (ст. 21), «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» (ст. 22), «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни» (ст. 23), «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания» (ст. 28), «Каждому гарантируется свобода мысли и слова» (ст. 29), «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» (ст. 37), «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантиру-

ется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ст. 45), «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ст. 46). И т. д., и т. п. Так, на уровне Конституции РФ утверждается кредо либерализма.

Напомню о том, что в Конституции РФ наша страна объявлена правовым, светским, социальным, федеративным, демократическим государством, т. е. осуществлено конституционное закрепление всего видового разнообразия либерально-ориентированного государства. Естественно, что все эти самоназвания России нельзя понимать и принимать формально и с оглядкой на «образцы» других государств, которые в этом отношении весьма различны и прагматичны. Особенности России как «федеративного», «социального» и «светского» государства были неоднократно рассмотрены мною в различных публикациях³, и здесь нет ни места, ни смысла дублировать ранее сказанное. В связи с этим кратко остановлюсь лишь на такой реализованной идее либерализма, как «правовое государство», которое создавалось для обеспечения правового равенства и защиты права граждан, прежде всего, в контексте защиты индивида от государства (это четко выражено во «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН 10 декабря 1948 г., где универсальным объектом права выступает индивид).

Принцип индивидуального права в новейшей юридической практике начал размытываться в связи с признанием так называемых групповых прав, и здесь проявилась адаптивность либерализма к жизненной практике — в данном случае, к проблемам дискриминации и бедности. Были созданы правовые механизмы решения дилеммы между неясно пропи-

³ См., например, *Лексин В.Н. Социальное государство: Фантом или реальность*. Тр. ИСА РАН, 2005. Т. 11; *Он же. Россия как светское государство: Религиозные объединения в секулярном обществе // Мир России*. 2009, № 2; *Он же. Федеративная Россия и ее региональная политика*. М., 2008.

санными правами группы (от расовых меньшинств до многодетных семей) и правами отдельного индивида, вытекающие из представлений о соотношении блага и права⁴. Сложившаяся на Западе традиция отнесения всего, связанного с уровнем жизни, к благам, а не к праву пришла в противоречие с социальной реальностью, внутри которой даже в экономически благополучных странах индивидуальной свободы миллионов людей оказалось недостаточно для пользования элементарными благами. Выход был найден в легитимации благ в системе группового, а не индивидуального права, благодаря чему появились различные аффирмативные программы государства (социальной защиты, медицинской помощи и др.)⁵.

В современной России решение проблемы разбалансировки индивидуальной свободы и возможностей ее использования для обеспечения индивидуального благосостояния становится, по моему мнению, одной из главных задач правового государства. Иначе говоря, экономические права человека (хотя бы в форме роузовских «первичных благ») в соответствии с либеральной идеологией справедливости должны были бы трактоваться как неотъемлемые и равноприоритетные.

Я убежден в том, что признание «либерального присутствия» в современной России зависит только от договоренностей о его *мере* и о *терминологии*. Нельзя, в частности, говорить

⁴ Исследователи этого аспекта либерализма считают, что до эпохи Возрождения большинство социальных и политических концепций строилось на приоритете блага над свободой, и ключевыми в этих концепциях были представления о всеобщем характере блага и равенства людей. Начиная с Макиавелли, центральным становится понятие свободы: предполагалось, что каждый может достичь того, что он считает благом, обладая свободами и правами; См. Федотова В.Г. Хорошее общество (права человека в свете современного и постсовременного дискурса) // Философские науки, 1998. № 4.

⁵ Один из видных представителей современного либерализма Дж. Роуз предложил в связи с этим понятие «первичных благ», в которое включаются «классы вещей и услуг, необходимые для реализации любого жизненного плана».

о социальном государстве как о трансформированном социалистическом. Нельзя отрицать наличие правового государства из-за скверного правоприменения. Нельзя отрицать принцип свободы ценообразования из-за попыток государственного регулирования тарифов или установления предельных торговых надбавок в розничной торговле лекарствами и т. п. Если же речь идет о действительной сути происходящего, то нельзя не признать, что уже давно (и, видимо, необратимо) «свобода» и «право» перекечевали во все сферы российской жизни.

Модель российского капитализма скроена по либеральным лекалам, и для обоснования этого утверждения целесообразно взглянуть на основные «реперные точки» либерализма: свободу собственности, свободу предпринимательства, свободу слова и свободу совести. В России с начала 90-х гг. прошлого века утвердилось *свободное владение, распоряжение и пользование собственностью*; она действительно свободно приобретается, продается и передается, при том что собственник освобожден от многих социальных обременений, а в большинстве случаев — и от общественной ответственности за судьбу собственности. Разве это не реализация идей «экономического либерализма»?

В России все более укрепляется либеральный принцип *свободного предпринимательства*. Почти изжито отрицательное отношение к «частнику» и «хозяину». Все больше граждан России хотят открыть «свое дело». Малый бизнес почти полностью занял нишу самого «свободного» из всех видов предпринимательства — розничную торговлю и общественное питание, и бесчисленные «проверки» этого бизнеса со стороны различных контролирующих структур чаще свидетельствует не о «зажиме» свободного предпринимательства, а об использовании административного ресурса для корыстных целей или для перераспределения собственности. К банковскому сектору, к особо крупным корпорациям и к наиболее богатым собственникам отношение остается настороженным, но это связано в основном с подозрениями

относительно честности приобретения собственности и с неприятием чрезмерно демонстрируемой «роскошной жизни» на фоне массовой бедности.

В значительной степени реализован либеральный принцип свободы слова. Государственно поддерживаемые телевизионные программы постоянно включают сюжеты острокритической направленности. Среди печатных периодических изданий есть как ориентированные на «западный» формат оценки внутрироссийских ситуаций, так и вполне «официальные» («Российская газета» и др.). Функционируют оппозиционные газеты и журналы (от «Завтра» до «Нового времени»). Абсолютно безцензурен Интернет, отражающий невероятную пестроту политических, экономических и иных воззрений миллионов людей. В радиоэфире либеральное «Эхо Москвы» соседствует с программой «Радонеж». Негласная цензура (часто в виде спонсорского заказа на нужную подачу информации) существует. Но, скажите, где ее нет?

Во всю реализуется либеральный принцип *«свободы совести»*. Лидеры всех религиозных объединений входят в число «политической элиты», открываются новые и все более наполняются действующие церкви, храмы, мечети и синагоги. После долгих дебатов в порядке эксперимента в начальной школе ряда регионов введены небольшие курсы «Основ религиозной культуры», но светски ориентированные родители и школьные администрации предпочли им «Основы светской этики» (более 70%). Одновременно укрепляется светский фундаментализм во всех его формах.

Нигде так не проявляется торжество российского либерализма, как в отношении наших граждан к несовременной морали и общественному поведению свободных и ничем не ограничивающих себя личностей. Полная раскрепощенность нравов, снисходительность к проституции и гомосексуальным связям, отказ все большего числа молодых людей от «обузы брака», воинствующий феминизм, отсутствие каких-либо ограничений в одежде, макияже (включая пирсинг, тату

и пр.), прическах и т. п. По степени внешнего проявления свободного «Я» российская публика, по моим наблюдениям, уже превзошла и среднеамериканскую, и среднеевропейскую.

Быстрое распространение в новой России либеральной идеи и ее разнообразных проявлений связано и с тем, что «отречение от старого (на этот раз — советского) мира» для многих и многих означало переход ко всему «современному», «цивилизованному», «развитому» и «прогрессивному». В число стран, награжденных именно такими эпитетами, обещали ввести Россию лидеры перестройки и последующих реформ, и неудивительно, что они обрели столько фактических последователей даже в среде тех, кто на словах проклинал этих лидеров.

Нельзя не отметить, что вместе с внешними атрибутами либерализма Россия приобрела и все описанные в западной научной и художественной литературе пороки «современного», «цивилизованного» и «прогрессивного» общества; недаром «консерваторы» и «охранители» нравов во все времена становились противниками либерализма как «рассадника зла». Человек, либерально мыслящий, — менее всего пуританин и аскет, и в его повседневном бытии либерализм «экономический» явно довлеет над «этическим». «Все для человека и все ради человека» — лозунг не коммунистического прошлого, а либерального сегодня, и толстовский вопрос: «сколько человеку земли надо?» в либерально ориентированном обществе неуместен и глуп.

Самым большим этическим недостатком либерального общества стало его равнодушное или снисходительное отношение к пороку как к личному делу каждого («каждый сам выбирает свою судьбу») и, в конечном счете, к оправданию алкоголизма, наркозависимости и т. п.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что, как было показано в ряде моих предыдущих публикаций⁶, *гипертрофия* ряда либеральных ценностей делает их кризисогенными, и

⁶ Лексин В.Н. Цивилизационный кризис: Мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2009. Вып. 6. Т. 2;

практика «перепотребления» и «переприсвоения» становится причиной не локальных и краткосрочных, а глобальных и долгосрочных финансово-экономических кризисов.

Либеральная составляющая современной России (как и всего мира) не идеальна, но она уже определяет, по моему мнению, сущностные стороны почти всех социально-экономических и общественно-политических процессов. В то же время, считать либерализм причиной всех бед современного мультицивилизационного пространства вряд ли оправданно. Доминирование либеральной идеологии (по крайней мере, в западном обществе) отнюдь не означает руководство именно либеральными постулатами при принятии внешне — и внутривнутриполитических, хозяйственных и социально-ориентированных решений. При желании, можно считать причиной всех зол в нашем мире — доминирование атеизма или любых религий.

Либеральная реальность и либеральное будущее России нравится далеко не всем. Однако тем, кто действительно хотел бы свернуть страну с либерального пути, следовало бы бороться не с ветряными мельницами «антироссийского либерализма», а с ветром его идеологии; они должны были бы создать нечто противоположное идеям абсолютной свободы и приоритета прав человека; они должны были бы переориентировать шкалу ценностей, принятую людьми в подавляющем числе государств мира, — в том числе и в России. При этом нельзя забывать и о том, что либерализм, как было ранее показано, адаптивен и динамичен, и он к тому же в значительной степени ориентируется на энергичную и самодостаточную молодежь — на ту самую, которой предстоит жить в «желаемом будущем». И я не вижу сейчас и в обозримом будущем — ни в политической, ни в экономической, ни в социальной жизни России — ни одного реального конкурента либеральному «завтра» моей страны.

Он же. Цивилизационный кризис и его российские последствия // Общественные науки и современность. 2009. № 6.